

"Сов. кино" / 1991 г. / 1988 г.

Владимир ЧЕТВЕРИКОВ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВАМ

Я заканчивал тогда съемки в «Гиперболоиде инженера Гарина» и почти одновременно должен был начать работу в фильме П. Тодоровского «Верность». Времени было в обрез: за одну ночь на машине я перебрался из Ялты в Одессу, где обосновалась группа «Верности». Своих партнеров я знал плохо, а Володю Четверикова — исполнителя главной роли, Никитина, — видел в первый раз. Вообще-то это всегда интересно — встретиться на площадке с незнакомым актером, тем более молодым. Как он поведет себя?

С первого же дня работы я понял, что Володя — не просто старательный дебютант. В Четверикове чувствовалось желание помочь картине, найти ту единственную ноту, которая не будет фальшивой в общем настрое фильма, которая станет ключом образа. Он думал. Как он много думал! Очень часто, когда Володя не был занят в каких-то эпизодах, он тихо сидел в стороне и следил за нами. Я часто ловил на себе его взгляд, впитывающий, такой цепкий взгляд. Кажется, ничего не упустит. И мне это очень нравится в нем. Нравится и другое. Володя все время как будто не доверяет себе. Он без конца ставит перед собой вопрос — так ли? — и постоянно пытается ответить на него. Надо сказать, что такая чрезмерная требовательность к себе очень мучительна для актера, но именно эта требовательность — залог развития мастерства. Без нее нельзя. И очень я рад, что Володя сразу почувствовал это. Кроме того — и это мое глубоко убеждение, — Четверикову повезло, что он дебютировал именно в фильме Тодоровского. Этот режиссер работает очень спокойно, тонко, он словно исподволь подбирается к чувству актера, заражает его своим настроением, «обволакивает» его ролью.

Володя — далеко не односложный актер, это

натура легко возбудимая, в нем все время как бы идет незаметный для глаз, но непрерывный процесс работы над собой. Пожалуй, именно это его качество дало мне повод думать, что со временем он может вырасти в актера глубокого, интеллектуального плана. Мне бы хотелось, чтобы в будущем Четверикову довелось работать с режиссерами, которые почувствовали бы особенности его дарования, дали бы ему возможность искать. Тогда он останется именно Четвериковым, и никем иным. Тогда сохранится его индивидуальность. Конечно, дело не только в режиссере. Главное — насколько сам актер способен дополнить образ, «договорить» реплику героя, рассказать то, чего нет в сценарии или пьесе, не что логически вытекает из поведения персонажа.

Так, как, скажем, делает это Смоктуновский. Он, как принято говорить, заставляет думать. Но меня даже и не это в его игре привлекает. Мне с его героями всегда интересно — вот что. Я за ними слежу. И они никогда не повторяют друг друга. Есть среди нас, актеров, мастера перевоплощения чисто внешнего: одного и того же человека могут как угодно «изобразить». Мастерство, конечно, но скорее это все к области фокусов относится. Нет подлинной жизни, чувства нет. Это — по поверхности. Володя не стремится пойти по такому пути. Я верю, что из него вырастет настоящий актер, с его героями тоже будет всегда интересно встречаться, спорить, просто молчать. Четвериков еще очень молод. Но у него есть все для того, чтобы стать таким актером, — несомненный талант, тонкое артистическое чутье, исключительная требовательность к себе и очень большая скромность. Так что — в добрый час!

Евгений ЕВСТИГНЕЕВ.